

Обсуждаются проблемы природной составляющей городской среды. Предлагаются конкретные меры по восстановлению и развитию зеленого каркаса города.
Ключевые слова: генеральный план Иркутска, городская флора и фауна, рекреация, зеленые зоны, озеленение, экологическое здоровье. /

The article presents the discussion of the issues concerning the nature in the city environment. Several measures on recovery and development of the city's green frame are proposed.
Keywords: Irkutsk master plan; urban flora and fauna; recreation; green zones; greening; ecological health.

Природа в городе / Nature in the City Дискуссионный клуб / Discussion Club

Состав участников

Сергей Александров, заместитель председателя комитета по градостроительной политике администрации, главный архитектор г. Иркутска;
Тимур Башкаев, архитектор, руководитель ООО АБТБ, профессор МАРХИ;
Николай Бунтовский, заслуженный архитектор России, председатель Забайкальской краевой организации ООО САР, советник РААСН;
Елена Григорьева, архитектор, член-корреспондент РААСН, издатель и главный редактор журнала «Проект Байкал»;
Инна Дружинина, главный архитектор ПАМ «Аллегро», доцент кафедры архитектурного проектирования ИРННТУ, член правления ИРО САР;
Сергей Зыков, архитектор, председатель правления Кемеровской региональной организации ООО СА России, профессор МААМ (московское отделение);
Александр Клименков, генеральный директор ООО «КраспанИнновации»;
Виктор Кузеванов, кандидат биологических наук, научный руководитель Ботанического сада ИГУ, советник мэра г. Иркутска;
Константин Лидин, кандидат технических наук, докторант психологии, эксперт журнала «Проект Байкал»;
Марк Меерович, доктор исторических наук, доктор архитектуры, член-корреспондент РААС;
Ольга Оголь, архитектор, лауреат премии «Золотая капитель»;
Владимир Стегайло, заслуженный архитектор России, директор персональной архитектурной мастерской «АС»;
Наталья Ступина, и. о. начальника управления экологии администрации г. Иркутска;
Марина Ткачева, доцент кафедры философии БГУ, член редколлегии журнала «Проект Байкал»;
Руслан Хотулев, начальник отдела территориального планирования управления архитектуры и градостроительства г. Иркутска;
Надежда Жулукшинова, архитектор, член правления Бурятской республиканской организации ООО СА России;
Евгения Ямова, генеральный директор агентства развития территорий «Градостроительная школа», зам. директора МБЗГУ ИРННТУ.
Кураторы: Елена Григорьева, Константин Лидин, Марк Меерович, Марина Ткачева.
Модератор: Марк Меерович.

Обработка материалов
круглого стола

Марина Ткачева /
Materials revised by
Marina Tkacheva

фото

Татьяна Анненкова /
photo
Tatyana Annenkova

В рамках фестиваля «Зодчество Восточной Сибири – 2016» 3 июня 2016 года в Иркутском доме архитектора редколлекцией журнала «Проект Байкал» и Восточно-Сибирским научно-творческим центром РААСН было организовано дискуссионное обсуждение проблемы «Природа в городе».

ЕЛЕНА ГРИГОРЬЕВА Настоящий архитектор идет от общего к частному, от города и его природного каркаса, отраженного в генеральном плане, – к травиночке и муравью. С генплана и начнем. На одном из последних дискуссионных клубов мы обсуждали документ «Внесение изменений в генеральный план города Иркутска» и убедились, что очередная актуализация генерального плана фактически узаконивает перевод зеленых зон в зоны застройки. Разработчики этого документа подтвердили: да, достаточно большое количество зеленых зон, бывших в предыдущей версии генерального плана рекреациями, фактически уже занято застройкой, и следующая версия генплана узаконивает это положение. Когда у города отбирают зеленые территории, жители города должны встать на защиту своих ущемленных интересов, на защиту зеленых территорий. С другой стороны, мы не можем

не поговорить о том, как архитекторы и градостроители могут препятствовать переводу зеленых территорий в застройку. Как воспрепятствовать захвату еще оставшихся участков природы энергичными застройщиками?

РУСЛАН ХОТУЛЕВ Я в администрации пришел совсем недавно, моя позиция – позиция проектировщика генерального плана. Часть этих перекрашиваний связана с тем, что мы просто признаем: в предыдущем генеральном плане что-то было запроектировано, но осталось нереализованным, подобно детским садам и школам, показанным на участках существующей усадебной застройки. В актуализированном генеральном плане внесение изменений обусловлено главным образом нежеланием проектировщиков в очередной раз говорить ложь, строить «воздушные бульвары» там, где уже невозможно что-то изменить. При этом мы максимально учитывали возможность создания или сохранения зеленых зон, исходя из реального положения дел, а не из чистой схемы.

ЕГ Мы говорим о территориях, которые выглядят как пустырь, не являющиеся частной собственностью; на генплане они обозначены как сквер или набережная, но отдаются под застройку. Вот конкретный пример. На

последнем градсовете, материалы которого мне прислали (и я даже дала на них экспертное заключение) рассматривалась возможность размещения лютеранской церкви. И где же? Опять за красными линиями, в зеленой зоне набережной Ушаковки! Хотя компетенцией архитектурного совета не могут быть конфессиональные проблемы, на совете по преимуществу обсуждались именно они. Профессиональными вопросами для градостроителей должны быть вопросы сохранения общественных территорий: с какой стати наша с вами будущая набережная Ушаковки уйдет в чью-то собственность? И меня удивила позиция профессионалов-градостроителей, тех же авторов актуализированного генплана, которые попытались обосновать возможность такого размещения.

РХ У нас в городе очень много территорий, которые показаны рекреационными зонами, но сегодня они по сути никак не используются. Почему? Потому что нет объектов, которые бы могли стать своеобразными «драйверами» благоустройства природной территории. И в предыдущем генеральном плане, и в актуализированном предусмотрены зоны для активного отдыха, туризма (код Р-3). Сейчас параллельно с генпланом у нас идет разработка проектов правил землепользования и застройки. И в них заложена идеология зоны Р-3. В этой зоне при соответствующем установлении красных линий в документации по планировке территории возможно капитальное строительство, но с большими ограничениями по проценту застройки. Если это маленький земельный участок, уже существующий в такой зоне, то скорее всего владельцу участка придется мириться с тем, что его участок в рекреационной зоне. У собственника 2 пути: отказаться от него или пытаться его укрупнять для того, чтобы сделать возможным на 20% этого участка возведение объекта рекреационного назначения (по преимуществу спортивного), а 80% территории благоустроить. Зона Р-3 предполагает для получения вида на строительство проведение процедуры публичных слушаний. Собственник должен дать обоснование того, что конкретно он предполагает реализовывать. И за счет строительства объектов, имеющих отношение к рекреационной деятельности, станет возможно обязать собственников остальную территорию своего участка благоустроить, сделать

из нее парк или сквер. Мы знаем, что был такой период, когда активно оформлялись участки под благоустройство, потом вносилось локальное изменение в ПЗЗ. По части таких земельных участков сложилась ситуация, что там уже появились объекты капитального строительства, и вид разрешенного использования участка сменен. Зачастую эти ситуации вынужденно были закреплены в генплане. Но в генплане нет единого простого решения для всех случаев. Яркий пример – проблема озерно-болотного комплекса «Птичья гавань». Там не только земельные участки самой Птичьей гавани находятся в рекреационной зоне, но и расположенная рядом территория, на которой необходимо ограничивать хозяйственную деятельность, тоже вся в рекреации. Это случай, когда несмотря на игнорирование интересов собственников, все-таки перевесила позиция, что озерно-болотный комплекс – ценная природная территория с определенным статусом, это легкие города. Есть примеры противоположные: в Свердловском районе выиграла позиция, когда части территорий падей были «перекрашены».

ЕГ Как оптимист я могу высказать надежду и веру в то, что не повторится ситуация нулевых годов, когда были осуществлены всем известные захваты территории бульвара Гагарина, бульвара Рябикова и т. д. в частную собственность.

РХ Деятельность градсовета важна в аспекте выявления общественного мнения: если бы проблема той же Птичьей гавани не была выведена в публичную плоскость, то противостоять интересам отдельных собственников было бы намного сложнее. При недостатке формальных доводов для блокирования нежелательного процесса, по крайней мере есть профессиональное сообщество, которое может свою позицию высказать, и это может положительно повлиять на ситуацию.

ЕГ Обращаю внимание на то, что и в профессиональном сообществе тоже есть проблемы. Как в процедуре вывода из реестра памятников архитектуры участвуют лицензированные министерством культуры России эксперты, так и в процедуре перевода зеленых территорий под застройку иногда объективно, а иногда, не исключено, и за гонорар, обоснование делают профессиональные градостроители. И на это я бы хотела обратить

внимание наших профессиональных сообществ. Согласна с Русланом, что вывод дискуссии в профессиональную и общественную плоскость – это тоже ответ на вопрос: как препятствовать?

МАРК МЕЕРОВИЧ С моей точки зрения, это инструмент немножко «коммунально-кухонный», он может сработать, а может, и нет. У меня вопрос: какие законодательные пути существуют для того, чтобы захвата территорий не происходило? Какие существуют законодательные основания, способные обеспечить, чтобы природные территории, оказавшиеся в городе, оставались природными территориями, а не уходили постепенно в застройку под теми или иными предложениями?

СЕРГЕЙ ЗЫКОВ Есть еще процедура публичных слушаний. В Кемерове было несколько примеров, когда слушания проходили неформально и повлияли на решения властей в части изменения статуса территорий. Примечательно, что инициативу проявляли не архитекторы, а жители города, занимающие активную гражданскую позицию. Молодежь общалась в форумах, при подготовке к публичным слушаниям шла активная переписка, участники формировали свою базу аргументов против изменений, которые пытались внести власти. Привлекали общественность, прессу, специалистов, активно участвовали в самих публичных слушаниях. Предметом слушаний была судьба естественного природного бора, находящегося практически в центре города. Это легкие города, очень популярная рекреационная зона, традиционное место лыжных трасс. Бор, по сути, максимально сохранен в естественном виде: там практически нет благоустройства, дорожек... Конечно, много желающих разместить здесь коммерческие объекты и перевести часть бора из рекреационной зоны в зону коммерческой или жилой застройки. Тем не менее удалось его отстоять, и статус рекреационной зоны бора не изменили. Еще пример. Около Кемерово тоже есть заповедные участки, находящиеся по берегу реки Томь, и они отдавались под коттеджную застройку. Причем рядом имеются пустующие поля, где можно вести застройку, не срубая деревьев. А когда участок под застройку получали, при строительстве срубали вековые сосны. Где-то удалось переломить эту ситуацию, где-то был очень сильный административный

ресурс, который все-таки не позволил общественности восстановить статус-кво этих территорий, но тем не менее попытки были. Профессионалы-архитекторы в данном случае тоже испытывают сильный прессинг, но пытаются, как могут, объяснить заказчику, где он неправ, подключают Союз архитекторов или общественность. В принципе, механизмы есть, только не всегда мы ими достаточно активно пользуемся. Но особенно важно, чтобы в администрации профессионалы работали.

ЕГ Сложная у нас профессия. Деньги надо зарабатывать и семью кормить. Но члены Союза должны блюсти кодекс этики архитектора, построенный на основе Международного кодекса этики архитектора, где сказано, что приоритет в проектировании – это защита интересов общества. И только следующая строчка – выполнение интересов заказчика. Рисуя дом, участок, район, мы в ответе перед сегодняшними и будущими жителями этого города за то состояние, к которому приведет наше творчество. Самое время Виктору Яковлевичу рассказать про то, как на здоровье влияют ошибки руководителей города, проектировщиков, неустойчивые позиции в защите интересов горожан.

ВИКТОР КУЗЕВАНОВ Мне кажется большим заблуждением говорить про природу в городе; город сам по себе уже природа. В городе нет ничего естественного: все, что в нем создано, заменило естественную природу, естественную тайгу и водоемы. Поэтому мы должны говорить о том, что все в городе создается градостроителями. Даже посадки. Естественных посадок практически не осталось. Если они и остались, то являются реликтами и не играют главной роли, хотя и имеют значение. Кошки, собаки, крысы, грызуны, птицы, насекомые, тараканы – это тоже природа в городе и влияет на сказанное Еленой Ивановной.

Мы мало задумываемся об одной из ключевых позиций – экологическом здоровье людей. Хочу сказать об одном исследовании, о котором рассказала наша коллега из Америки директор Национального исследовательского института экологического здоровья Линда Бирнбаум. Это один из крупнейших институтов, которые определяют стратегию развития Соединенных Штатов Америки. Мы с ней очень много времени провели в Иркутске. Я бы

назвал несколько цифр, которые она озвучила. Первое: назову цифру 29° С. Об этом мало кто знает, но любой город, любая одежда выстраиваются таким образом, чтобы наша кожа контактировала с очень тонким окружающим нас слоем, в котором температура должна поддерживаться 29°. Отклонение в ту или другую сторону вызывает дискомфорт, и люди начинают протестовать. Этот момент очень важен сам по себе. Мы часто говорим про парковые, зеленые зоны, но забываем о том, что в действительности город – это очень большой набор экологических ниш и экологических услуг, которыми мы, не задумываясь, пользуемся. Наша квартира – та же самая пещера в скале, только немножко модернизированная. Высокое здание, рядом с которым есть озеленение, – это тоже скала, на вершине которой часто поселяются растения, выют гнезда птицы, в том числе хищные, экзотические и традиционные. В действительности город – это экосистема, к которой человек приспосабливается, то, что мы называем «вторая природа».

Теперь некоторые цифры. Была проведена серия исследований во многих странах. Примерно в течение 8 лет изучали по всей территории страны состояние здоровья 108 тысяч женщин и как оно менялось в соответствии с окружающей их средой. Женщины – потому, что по показателю жизни женщины можно говорить о том, как будут себя чувствовать дети, как будут себя чувствовать их мужчины. Было обнаружено, что продолжительность жизни женщин, живущих во дворе или микрорайоне с нормативным озеленением, на 8–9 лет больше, чем у женщин, которые живут среди голых бетонных джунглей, в барачных районах. Эти женщины на 41–43% меньше болеют. Примерно на 40% меньше болеют легочными и простудными заболеваниями, примерно на 30% меньше – почечными и желудочно-кишечными заболеваниями; на 13–15% меньше – онкологическими. Сами понимаете, какое это имеет значение для качества жизни человека. И при этом система озеленения воспринимается не просто как красивый антураж зеленого цвета. Исследования, которые были сделаны в России, Кореи, Японии, Европе показали, что даже если в небольшом дворе растет пять деревьев и больше, то двор становится местом сбора жителей. Они выходят во двор со своими детьми и пожилы-

ми родственниками, здесь им комфортно. Самое главное – такая среда формирует общение между людьми. Любопытно, что если во дворе больше пяти деревьев, то в таких местах формируется активное гражданское общество. Таким образом, система озеленения не только улучшает физическое здоровье, но оздоравливает общество. Воспитываются социально-активные жители, которые начинают менять и улучшать свою среду во дворе. Более того, система озеленения улучшает содержание собак, кошек; уменьшается количество грызунов. У детей воспитывается нормальное отношение к птицам (делаются скворечники, кормушки), сбалансированное отношение к природе. Но систему озеленения мы не должны воспринимать абсолютно: чем больше зелени, тем лучше. Слишком много деревьев и кустарников в городе могут иметь и отрицательное влияние. Например, зеленое ограждение вдоль проезжей части задерживают загрязнения на улице, они не продуваются. Мы должны понимать, что природа, о которой мы говорим, это мы с вами, камни, дома, кошки, собаки, растения, земля. Та природа, о которой мы говорим, – это экологические услуги, которые мы получаем бесплатно: если во дворе человек может отдохнуть и найти себе нормальную рекреационную территорию, он за нее не платит или платит вниманием. Если ее нет, он вынужден платить деньги, чтобы уехать и при этом получить эту экологическую услугу достаточно далеко от места проживания. Мы должны придумывать такие механизмы, при которых система озеленения во дворе, система озеленения в микрорайоне будет стимулировать уменьшения заболеваемости и увеличение качества жизни, продолжительности жизни людей. А это величины, которые мы можем контролировать и измерять. И я думаю, что этот градусник в Иркутске существует; нам только нужно начать им пользоваться.

ВЛАДИМИР СТЕГАЙЛО Я считаю, что архитектор обязан учитывать природное окружение в своих проектах. Мечтаю о гармоничных с природой градостроительных решениях, но большинство моих попыток сохранить хотя бы одно деревце на строительной площадке не увенчалось успехом. Громоздкая системастройки и природоохранные мероприятия не совместимы.

ММ Хотелось бы зафиксировать два момента по про-

шедшему обсуждению. Первое. Не разработаны механизмы инвестиционной привлекательности фрагментов городской среды, которые бы в обязательном порядке вменялись, как бы в нагрузку, инвестору и застройщику для обустройства и формирования. Эта проблема является основной. Второе. Архитекторы, разрабатывая проекты, вынуждены воплощать в них, прежде всего, интересы заказчика. Отсюда возникает вопрос к системе образования. Я думаю, что если архитектор-проектировщик имеет способы, приемы и знания того, как можно осуществлять решения, обеспечивающие инвестиционную привлекательность, но не уничтожающие при этом среду, то он имеет шанс убедить заказчика именно эти решения принимать. Это совершенно иное, нежели использование стандартных приемов: снести, закопать и т. д. Необходимо учить архитекторов видеть среду и планировку как элемент вложения и приумножения денег. Без уничтожения при этом исторической и природной среды. Безусловно, это проблема образования, в которой мы такому использованию ресурсов не учим!

КОНСТАНТИН ЛИДИН Я как специалист по социальной психологии хотел бы обратить внимание, что мы снова вышли на два очень популярных массовых мифа. И мы сами точно так же подвержены влиянию этих мифов, как и то самое общественное мнение, с помощью которого мы пытаемся изменять ситуацию. Миф первый: природа – это деревья; если их срубить, то и природы не будет. Это миф антибиологичный, антинаучный, потому что вместо срубленных деревьев другая жизнь появляется, там развивается плесень. Я на юго-востоке Болгарии столкнулся с этой проблемой: там, где вырождается высокоорганизованная биосфера, начинает расцветать низкоорганизованная форма жизни. В первую очередь мхи, лишайники и грибы. Плесневые грибы пожирают бетон. Никакого отношения к первой природе они не имеют, потому что в дикой природе бетона нет; это специализированные штаммы черной и зеленой плесени. Проблема чудовищная: плесень насквозь проедает стены из монолитного бетона, и их оттуда уже невозможно достать. Это ядовитая плесень, ее споры вызывают легочные заболевания, отравляют воздух, пищу; она несовместима с человеком. Уничтожить ее можно только одним способом: осторож-

но разобрать дом, обломки быстро увезти куда-нибудь и сбросить в Марианскую впадину. Потому что если просто взорвать дом, то ареал обитания плесени только расширится. Это тяжелая проблема, она очень сильно влияет на здоровье людей и, соответственно, экономику города тоже: снижается стоимость жилья. И мы как пропагандисты вынуждены признать свою недоработку в этом. Мы не объясняем людям, что природа все равно останется. Если мы уничтожим доброжелательную к нам природу, ее место займет природа недоброжелательная. Если мы уничтожим красивых птиц, которые питаются чистой пищей, то расплодятся вороны, которые питаются всем подряд, растаскивают гниющие остатки с помоек по всему городу и в результате разносят плесень.

Даже относительно чистоплотные синицы и воробьи за зиму балкон жилого дома превращают в кошмарную помойку. Серые, черные вороны ведут себя гораздо более эпидемиологически опасно. Представление, что природа – это красивые деревья, а если их нет, значит, и природы нету – это первый миф, который наносит огромный вред, и с ним надо бороться. И самым ее неплохо было бы усвоить. Второй миф, который очень сильно довлеет над нами, что наша жизнь и здоровье ничего не стоят. Слава богу, медленно просачивается к нам общечеловеческое представление, что человеческая жизнь и здоровье имеют вполне определенную цену. Она измерена, зафиксирована. Правда, в обсуждении называются разные цифры. Но практика эта уже есть. И если застройщик уничтожил парк рядом с моим жильем, я могу предъявить ему иск за то, что он у меня отобрал кусок здоровья, кусок жизни. Законодательство для этого уже есть, но мы им не пользуемся. И главная причина, почему мы этого не делаем, заключается в том, что сами не понимаем, что это возможно. Попробуйте в Европе срубить дерево: вас засудят и без штанов оставят. Я уж не говорю про Соединенные Штаты Америки: если там архитектор запроектирует, а застройщик построит объект, и жители этого микрорайона решат, что нанесен ущерб природной системе, его разорят просто. Еще в назидание всем остальным шумиху устроят. Потом репутационные убытки огромные понесет.

ЕГ А разве штрафы за вырубленные деревья не практикуются в наших городах?

КЛ Но это же мелочи.

ММ Наталья Сергеевна, а почему у нас в городе сплошные пенки от вырубленных деревьев торчат? Я в «Фейсбуке» постоянно сталкиваюсь с фотоматериалами об этой варварской вырубке. Создается впечатление, что последствия борьбы с теми, кто уничтожает растительность, нулевые. Красовский ходит по городу, постоянно фотографирует и выкладывает в интернете фотографии изгаженных, спиленных, изничтоженных деревьев. И доказывает, да это и так очевидно, что эти деревья не старые, не сгнившие, что их срубили вовсе в санитарных целях...

НАТАЛИЯ СТУПИНА У нас федеральный закон об охране окружающей среды звучал ранее как «Закон об охране окружающей природной среды». Потом законодатель пересмотрел эти понятия и сейчас он называется «Закон об охране окружающей среды». Нашу среду обитания я бы точнее назвала «городская среда». Для меня это более приемлемо, понятно. Природная среда за чертой города, где мы по-настоящему видим природу. В настоящее время я стараюсь сделать так, чтобы кусочки природной среды сохранить в городе. Для этого мы создаем особо охраняемые природные территории. Например, мы создали четыре природоохраняемые территории. Это Синюшина Гора, Ершовский водозабор, особо охраняемая территория «Кайская реликтовая роща». Мы создали территорию историко-культурного наследия – сад Томсона. Но все же природная составляющая не должна быть доминантной в городской среде, как и водоохранные зоны не должны быть лысыми и превращаться в железобетонные конструкции. Это зоны, которые выполняют рекреационную функцию, мы их должны сохранять, а не уничтожать экосистемы. Это принципиальная позиция. И мне кажется, что претензии нужно адресовать градостроителям, потому что инициатива уничтожения водоохранных и даже береговых зон исходит от них. Мы просто защищаемся от насилия, которое происходит. Конечно, мы не живем в природной среде: среда нашего обитания – городская, и посадки в скверах и парках искусственные. Природа начинается с наших пригородных лесов, с Байкала. Это нельзя утратить. А что касается зеленых насаждений по городу, то срубить дерево у нас очень дорого стоит, и в настоящее время мы еще увеличили стоимость сноса зеленых насаждений. Существует дифференцированный подход к сносу зеленых насаждений. Применяются разные критерии: снос деревьев при предоставлении земельных участков под строительство; снос зеленых насаждений из-за полного нарушения инсоляции; снос в чрезвычайных ситуациях. Особый разговор о территориях, оформленных в собственность и снос на частной территории. При незаконном сносе налагается административный штраф, если ущерб оценивается суммой выше 10 тысяч – это уже уголовная ответственность. В основном специалистами, выносится решение об административной ответственности и возмещении ущерба. Возмещение ущерба обходится нарушителям достаточно дорого: они должны оплатить восстановительную стоимость в бюджет города (в среднем 10–13 тысяч одно дерево стоит, в зависимости от диаметра ствола и породы) плюс компенсационная стоимость (посадки либо денежные средства). Все денежные средства поступают в бюджет города для создания зеленого фонда Иркутска. Ежегодно поступает в доходную часть бюджета города Иркутска до 4-х миллионов рублей. В 2014 году в бюджет города поступило 115 миллионов в связи с введением ЛЭП. Компенсационный фонд позволил произвести массовые посадки саженцев по городу. В 2015 году высажено 4 тыс. саженцев, в 2016 году – 10 тыс саженцев должно быть высажено на

территории Иркутска. Что касается капитального ремонта зеленых насаждений нашей программой предусмотрено 16,5 миллионов рублей на мероприятия, связанные с охраной зеленых насаждений. У нас действительно проведено уже два аукциона по формовочной обрезке. На предыдущем заседании комиссии по приемке работ ООО «Зеленая улица» подрядчику было предписано, чтобы всем деревьям, которым обрезка была произведена ненадлежащим образом, произвести корневую подкормку. Было проверено, что организация выполнила требования специалистов – корневую подкормку деревьев проведена. Обеспечение контракта у нас действует до ноября месяца. Если что-то случится, денежные средства не будут возвращены подрядчику. Контрактом прописано также, что в случае гибели дерева в течение трех лет подрядчик должен будет произвести восстановление зеленых насаждений. В этой части я считаю администрация себя защитила. Но мы неоднократно говорили, что организации, которые в принципе халатно относятся к работам, нельзя допускать к городскому озеленению. И Виктор Яковлевич, и я с мэром встречались; ставим вопрос о том, что все же зеленые насаждения должно содержать муниципальное предприятие, которое не исчезнет, которое знает каждое дерево. И единообразно проводило бы работы по уходу за зелеными насаждениями. Чтобы деревья у нас не были столбами, как сейчас получилось, а были бы эстетичны, чтобы обрезка не была бы им во вред. Хотелось бы достичь таких результатов, как в Москве. Одновременно мы проводим инвентаризацию сухих аварийных деревьев. Первая наша инвентаризация касалась детских площадок, потому что фонд у нас очень серьезно запущен, провести тотальную инвентаризацию нет возможности. И по всем дворовым территориям, где есть детская площадка, у меня специалисты за 3 месяца провели эту работу. Выявлено около тысячи деревьев в аварийном состоянии, которые действительно уже падают, создавая угрозы жизни и здоровью людей. Каждое дерево сфотографировано, заактировано. После этого мы давали предписание управляющей компании по сносу аварийного дерева, часть деревьев сносится за счет средств бюджета.

ММ Есть ли на сайте ресурс, куда каждый человек может зайти свободно и посмотреть?

НС Нет, но по всем снесенным деревьям имеется в управлении информация. Благодаря «Фейсбуку» мы получили информацию о том, что на бульваре Гагарина шесть лиственниц около ресторана вдруг погибли. Два года они стояли засохшие и были снесены за счет средств бюджета. Но при внимательном изучении ситуации мы поняли, что это было умышленное уничтожение. Прослеживается недопустимая тенденция – умышленная травля деревьев. Доказать это уже практически невозможно. Для меня это уже честь мундира: мы возьмем на себя восстановление земли и новые посадки. И волонтеров привлечем.

В ближайшие годы на территории города планируется создать более 80 парков и скверов. Уважаемые архитекторы в этом направлении работают, помогают нам разрабатывать проекты. И частные лица, предприятия стали подключаться к реализации проектов, созданию новых. Мы согласны, если речь идет об улучшении внешнего облика города. Но частные владельцы временами готовы во имя «красоты для себя» снести уже существующие прекрасные посадки деревьев породы – ильма. Мы стали на их защиту, несколько раз выезжали, но просмотрели. При очередном выезде обнаружили, что на участке общественных посадок ильмы в прекрасном состоянии, а там, где планирует производить благоустройство частная организация, ильмы погибают. Чтобы судиться или принимать решение о штрафах, нужна доказательная

база, нужны ученые. Я считаю, что необходимо минимизировать снос зеленых насаждений хорошего качественного состояния в городе, сохранять и украшать старые деревья, которые живут.

ЕГ Очень интересно и приятно вас слушать. Иркутск за последние год-два продвигается в нужном направлении. Это абсолютно очевидно, особенно людям, которые много путешествуют. Но вот вам свежий пример: идет плановый ремонт во дворах, замена асфальта. Вчера такой ремонт начался у нас во дворе в центре города, на улице Бабушкина. Если бы я случайно не вышла в нужный момент, то моя жизнь и жизнь моих соседок сократилась бы на 8 лет. Там хотели заасфальтировать вместо проезда шириной 3,5 метра всю территорию сплошь от самого дома до детской площадки и снести при этом четыре цветущие яблони и штук 15 плодоносящих кустов. Мы начали требовать проект, которого, конечно, у строителей не оказалось. Активистка из нашего дома поехала в администрацию за проектом. Продолжения не знаю, но пока деревья стоят.

НС Это тоже важно. Благоустройство делается в основном по депутатским запросам. В любом случае должен быть проект. И это направление работы в администрации предусмотрено, но пока нет возможности довести его до конца.

ЕГ Это тоже надо бы как-то контролировать.

ВК Я хочу сказать про роль личности в жизни Иркутска. Наталия Сергеевна – это та личность, которая реально, объективно действует для настоящего экологического спасения города. В предшествующий период другая личность в городе инициировала тотальную вырезку, вырубку деревьев. И общественность ничего не могла сделать для исправления ситуации. То, что сейчас совершает отдел экологии нашей администрации – это просто героические поступки, потому что приходится противостоять колоссальным силам, которые игнорируют правила. Хочу, чтобы от нашего круглого стола прозвучало предложение: во-первых, привести в соответствие нормативную базу и правоприменение. Законы необходимые есть, но у нас они не работают. 10–20 тысяч за вырубку дерева – это чепуха для предпринимателя. В Москве коллеги рассказывали, что стоимость сноса крупномерного дерева – порядка 100 тысяч рублей. Предпринимателю уже стоит задуматься, насколько целесообразно спиливать дерево. В Лондоне мои британские коллеги говорили, что стоимость сноса дерева иногда равна стоимости домика, порядка 600 тысяч фунтов стерлингов. И тогда дерево вместо сноса лечат, восстанавливают, ибо его стоимость очень высока – это жизнь человека. Однажды мы подсчитали, что снести одно дерево то же самое, что убить одного человека в Иркутске.

КЛ Если стоимость дерева примерно равна стоимости человеческой жизни, то не забудем: рекомендованная стоимость человеческой жизни у нас в стране от 600 тысяч до 6 миллионов рублей. Это при расчетах компенсаций, страховых выплат и т.д. На эту цифру и надо ориентироваться, а не на 10 тысяч.

ВК Нам нужно поддержать управление экологии и общественность. Правила обрезки, ухода за зелеными насаждениями не должны быть документом, написанным и лежащим где-то мертвым грузом; надо, чтобы люди знали о нем. И здесь роль архитекторов-членов градсовета очень важна. Мне кажется, что экологическая компонента должна по-настоящему влиять на градостроительную политику Иркутска. И роль личности никто не отменял: нам повезло, что есть Наталья Сергеевна Ступина, до нее была Бояркина Екатерина Васильевна.

ЕГ Роль личности велика, это так. Однажды я допытывалась у старожилов Академгородка, благодаря кому его дендрология такая разнообразная: шиповник, ели,

лиственницы, груши и яблони и много чего еще, в то время как в остальных частях города преобладали тополя. Оказалось, это заслуга одной единственной женщины, которая стояла у истоков озеленения Академгородка, ей она обязан своей уникальной растительностью.

ЕВГЕНИЯ ЯМОВА Вопрос: у нас еще существует административное вредительство деревьям и газонам. Зимой очищают дороги с помощью химических растворов. Все это отсыпается, конечно, на газоны, на деревья, почву весной никто не меняет. Если срубленное дерево стоит денег тех, кто его срубил, то загубленное таким образом меняют за счет бюджета города? То есть сама администрация и губит, и сажает?

НС Очень правильный вопрос. Зима у нас достаточно долгая, и, к сожалению, используется противогололедное средство с активными солями. Вот недавний пример: по улице Сухэ-Батора мы посадили вязы, а на третий год они уже сгнили. Причина – использование противогололедных средств. Но они необходимы в целях безопасности эждорожного движения. Мы сейчас изучаем опыт других городов, которые уже перешли на безопасные средства. И мы, конечно, тоже в дальнейшем будем переходить. Естественно, это не произойдет на следующий год, но в этом направлении мы сейчас работаем, чтобы и зимой у нас было экологичное отношение к зелени в городе.

АЛЕКСАНДР КЛИМЕНКОВ У меня замечание о роли личности в данных процессах на примере двух мэров Красноярска. Петр Иванович Машков был мэром несколько сроков. Сейчас первый срок у Эдхама Шукриевича Акбулатова. Машков по каким-то причинам очень любил фонтаны. И горожане тоже посмеиваются, но очень их любят. Но на протяжении почти восьми лет я не заметил у него особого рвения в создании парковых зон. В генплане все эти зоны рассматривались как резервные для строителей и постепенно перекрашивались. Новый мэр сказал: «Мне жить в этом городе, я не хочу уезжать. Я буду биться за парки, скверы». И мы видим, как действительно эти зоны сейчас защищены. Понятно, что наше общество еще не созрело, чтобы диктовать политикам. Наверное, сейчас переходный период, когда и чиновник имеет огромное влияние на сохранение зеленой среды, и общественность этот процесс поддерживает. Очень хорошо, что есть люди, работающие в администрации, которые болеют за зеленые зоны и благоустройство. Это, наверное, самое главное: действовать каждый день, приходя на работу и защищая насаждения, и знать, что глава города этим занимается. Как воздействовать на главу города, если он сам еще не видит необходимости такой работы? Вот вопрос для общественных организаций, в том числе и архитекторов. Особенно это актуально для больших городов. Его нужно поддерживать, формировать экологичное отношение к городу.

ИННА ДРУЖИНИНА Я бы хотела начать с мифа: дескать, у нас город окружен естественной природой, но мы видим, как она катастрофически быстро уничтожается. Как-то весной, несколько лет назад, мы заехали на территорию мемориала (в память о захороненных жертвах сталинских репрессий 1936–1938 годов) и сфотографировали запоминающуюся картину: горы мусора, а сквозь них пробивается роскошно цветущий багульник! Это на стихийно возникшей дикой свалке, и тут же, рядом, разрастающиеся пригородные поселки. Такая картина наблюдается повсеместно. Мы отправили фотографии с комментариями Олегу Митволу, в то время заместителю руководителя Росприроднадзора. Буквально через несколько дней эту свалку убрали. Я привела элементарный пример того, что если не проходить мимо варварского отношения к природе, то каждый из нас может что-то сделать. От нас многое зависит, и я верю в «роль личности в истории», убеждена, что добиться можно многого, особенно если есть и понимание проблемы у руководства

города. А сочувствующие, понимающие, неравнодушные профессионалы и, разумеется, архитекторы, всегда найдутся; да и общественность тоже подключится. Мне кажется, сообщая переломить ситуацию можно.

Еще один момент. Общеизвестно, что крупные города Сибири возникали в основном вблизи озер, русел рек. Только в конце XIX века при железной дороге стали появляться поселения, которые имели лишь косвенное отношение к естественным природным водным элементам. Уникальность Иркутска в том, что он располагается на пересечении четырех крупных рек. Его сегодняшнее достижение – обустроенные набережные, и это прекрасно. Но они, как правило, глухо закованы в бетон, гранит, брусчатку, и в сочетании с экранирующей пластинами плотной застройкой высотных домов кое-где просто «отрезают» город от уникальных естественных ландшафтов. На мой взгляд, они должны быть акцентом в планировочной структуре, как они всегда и задумывались. Много раз говорилось, что сегодня у нас очень большое количество депрессивных территорий. Очень не хочется, чтобы картина усугублялась возникающими еще и вдоль водных артерий азототрубами. Мне представляется, что уникальная природа наших сибирских городов должна быть включена в канву города сетью парков, скверов, бульваров, берущих начало от естественных водоемов или, наоборот, ведущих к ним. Иначе у жителей нет связи, в том числе визуальной, с рекой и набережной, нет движения воздуха, нет зеленых рекреаций. Думаю, нам не хватает специально сформированных речных «фасадов», панорамных картин с богатым силуэтом застройки, вписанной в природный антураж и «клинья» зелени, вошедших в массивы жилых территорий. Согласно с мыслью Наталии Сергеевны, что бетонные набережные нивелируют всю уникальность и живописность естественного уреза воды, а автомобильные дороги, проведенные по прибрежным территориям, окончательно лишают берега живописности.

ЕГ На самом деле эти бетонные набережные теперь уже и не в тренде. Сейчас в Москве реконструируют бетонные, дополняя их естественными, с пляжами и деревянными настилами у воды.

ТИМУР БАШКАЕВ Во-первых, традиционно набережные в 80 % городах развивались не как видовые, а именно как заброшенные территории: коммуникационные, складские, портовые. Это были депрессивные территории. Только с Петербурга началось у нас иное понимание набережной. Если помните, набережная Москвы-реки в районе Остоженки до XIX века была кошмарным, страшным местом. Проблема набережных и сегодня очень серьезная.

Во-вторых, во всем мире набережные застраиваются только периметральным способом, и по-другому не может быть никак. А откуда берутся каменные и бетонные набережные? Если делать естественный берег, у вас зона застройки улетает на 200 метров. Кроме того, когда делаете бетонную набережную, у вас норматив паводка – раз в 200 лет. А каков он раз в 200 лет? Чуть ли не 7–8 метров, и другие набережные, конечно, поднимаются. С другой стороны, никаких зеленых клиньев от набережной сделать невозможно просто из соображений экономики: ведь набережные – одна из самых дорогих, самых выгодных по девелопменту территорий. И конечно, они застраиваются достаточно плотно. Сегодняшняя тенденция – вдоль улиц делать небольшие фрагменты бульваров. Я участвовал вместе с Ю. Григоряном в проекте «Москва-река» (мы делали небольшие фрагменты) и плотно соприкоснулся с этими проблемами. Здесь ресурс ограниченный. Но когда уже есть твердая набережная, с нее делают сходы и внизу формируется второй слой, такой псевдоберег.

В-третьих, хочу сказать об охране зелени. Штрафы за деревья – очень правильное направление. В Москве очень строгие штрафы, и их реально боятся. Но это не

единственный и не самый главный путь. В мире опробован другой способ: вводятся жесткие нормативы озеленения, реальные нормативы. И любой застройщик сам трясется над деревом. Он прекрасно понимает, что если он вырубит – ему просто не согласуют его документацию. Мы говорим: «Давайте уповать на губернатора, на начальника». Но есть даже в нашей стране более сильный инструмент – Главгосэкспертиза. Ее боятся все в Москве. Если вы по нормативам не проходите, вам ничего не согласуют. Значит, нужны жесткие нормативы по озеленению. А у нас, к сожалению, нормативы по озеленению ослабевают. И это совершенно неправильно. Мое предложение – их надо ужесточать. Есть прекрасный пример в отношении выхлопов автомобилей. Еще 15 лет назад казалось невозможным уменьшить их в 10 раз. Весь мир заставили. Нормативы выброса ужесточаются каждый год во всем мире. Я предлагаю в качестве инструмента на уровне закона: увеличивать норматив озеленения каждые пять лет. Но есть объективное препятствие для этого: плотность на территориях растет. Растет плотность жилья. Одновременно растут нормативы на школы, площадь участка на школу возросла, количество метров на ребенка возросло и т. д. Парковки увеличились в несколько раз, коммуникации, дома растут. И все на той же самой территории. Нормативы не меняются, а плотность растет, и тогда озеленение превращается в фикцию. Есть градостроительное решение, которое позволяет увеличивать плотность и одновременно увеличивать количество зеленых насаждений. Но для этого нужно сделать, чтобы нормативы были жесткими. Тогда девелоперам нечего будет делать, как переходить на новые принципы градостроительства.

ЕГ В наших силах предложить утвердить местные дифференцированные нормативы отдельно для исторического центра, для Иркутских кварталов, для жилых кварталов. Я предлагаю это зафиксировать. В работе над Иркутскими кварталами сталкиваемся с тем, что, если там жилье, мы можем прописать нормативный процент озеленения, а вот на собственника общественного здания мы не можем повлиять.

Вернусь к своей любимой теме. Почему 130-й квартал выглядит не так натурально, как хотелось бы? Потому, что он выхолощен, зелень уничтожена и не восстановлена. Когда мы с Марком Григорьевичем его проектировали, на чертежах не только все дома стояли на своих старых местах, но и каждое существующее крупное дерево. Более того, мы предполагали, что создавшийся за 200 лет плодородный слой будет снят, перенесен, а потом его вернут вместе с его муравьями. Наш подрядчик привык освобождать себе полигон, снеся все подчистую, а потом уже ставить дом. А иркутская деревянная застройка традиционно утопала в зелени.

Однако если сильно постараться, то иногда получается. Когда Дом музыки Д. Мацуева из 130-го квартала с платформы неосуществленного амфитеатра переехал в срочном порядке в квартал напротив, там с гением места было сложно, и мы выбрали гением стоявшую посередине лиственницу. Подчинили ей конфигурацию здания, сориентировали главные помещения панорамным остеклением – на эту лиственницу. Ее, конечно, подрядчик бы снес в первую очередь. Каждый день мы туда ходили, следили, заставляли закапывать корни, которые рабочие время от времени обнажали. Когда приезжаю, первым делом ее смотрю. Пять лет стоит! Лиственницы – это вообще особая история, удивительно, как украшают они наши города... Вот за их снос надо брать точно не меньше 600 тыс. рублей с виновника.

ТБ Это стоимость 10 деревьев: в Москве если ты срубашь одно, то платишь столько, чтобы можно было посадить потом 10.

НС Сейчас у нас тоже такое правило соблюдается. Если есть деревья на снос, пишется, кто давал разрешение и на каких условиях.

КЛ Два момента. По бетонным набережным. Я некоторое время назад довольно плотно занимался химией города. Бетонная набережная в современном городе необходима для того, чтобы город не отравлял реку. Земля в городе пропитана такими веществами, что необходимо изолировать ее всемерно от реки. Иначе в реке будет течь просто яд, как это было с Рейном. В нижнерейнской урбанизированной зоне можно было зачерпнуть воды из Рейна и проявлять фотопластины, таким было содержание сульфатов и их производных. Может, в городе уже такая природа, что от нее надо держаться подальше? Второй момент по поводу нормативов. К сожалению, только их принятия недостаточно. В истории с очисткой воздуха процесс шел с двух сторон: с одной стороны, принимались нормативы по выхлопам, а с другой – в 80-х годах в Соединенных Штатах прошел целый ряд громких процессов, когда люди с онкологическими и легочными заболеваниями предъявляли счета производителям автомобилей. Выигрывали миллионные процессы. В частности, разорение компании Крайслер в значительной степени вызвано тем, что они просто не успели перестроиться. Пока они собирались это сделать, их просто раздели, разули, разорили. Норматив принять – полдела. Кто болеет за это, возьмите на себя сутяжническую роль, пусть она некрасиво выглядит. И это будет вторая половина.

АК Я был в Дагестане, и мне сказали, что стройнадзор берет за прием одного подъезда 350 тыс., даже не заходя в подъезд. В отдельных городах порядок навели, но в целом проблема качества экспертизы весьма актуальна, особенно в отношении озеленения. Должна быть законодательная инициатива, иначе проблему не решить.

ЕГ Москву в пример надо приводить очень осторожно – слишком разные бюджеты. Но все ли зависит от размера бюджета? Какая доля в озеленении, в состоянии среды нашей городской зависит от бюджета, а какая все-таки от уровня культуры, от политической воли руководителей региона, от активности городских сообществ, которые в Иркутске стали играть заметную роль?

НС Я сделала расчеты по нормативному содержанию зеленых насаждений (полив, стрижки). И ужаснулась: 2 миллиарда. Это суммы нереальные, если все покрывать за счет средств бюджета. Мы попытались благоустройство и озеленение возложить на собственников и пользователей земельных участков. Я считаю, это в принципе правильно. Нисколько не умаляю роль общественности, ее активность в посадках, но целиком доверять таким акциям я бы не решилась: зеленые насаждения требуют систематического профессионального ухода. Я считаю, что человек вправе и должен ухаживать за зелеными насаждениями там, где живет. И здесь активность должна быть 100%. А городские, магистральные парки и скверы надо отдать профессионалам. Моя позиция такова.

ЕЯ Мы в рамках исследовательской работы международной научно-исследовательской лаборатории по изучению проектирования городской среды ИрНТУ проводили инвентаризацию зеленых насаждений города Иркутска. Мы учли порядка 99% парков, скверов, бульваров и лесопарковых зон города и вывели для себя несколько очевидных фактов. Большинство этих территорий не ухожены, отсутствует система в планировании. Но Иркутску очень повезло: у нас очень много кладбищ в черте города, а это и озеленение, и его биоразнообразие. Они не используются под рекреацию, хотя есть европейская традиция – кладбище как места тихого отдыха, мемориальный парк.

И ещё из опыта нашей работы. В рамках образовательного цикла лекций «Городская среда» мы обща-

лись со слушателями и поняли, что надо расширять их компетенции как заинтересованных в развитии горожан. Реализация проектов зеленых территорий — это либо дотации, либо инвестиции. Инвестиции можно отрегулировать через закон, регламент, нормативы и принуждать собственника-инвестора к их реализации. Дотации выделяет, как правило, муниципалитет. И если говорить про выгоду, то мы сейчас в рамках своей лаборатории пытаемся понять, как можно повысить за счет парков и скверов стоимость прилегающей территории. Человек имеет право повышать свое качество жизни и дорожке покупать жилье там, где есть парк рядом, там, где есть качественное озеленение. Соответственно, как только будут повышаться компетенции горожан и молодых будущих профессионалов и от них будет запрос, даже требование, к качеству благоустройства и озеленения, это будет влиять на рейтинг муниципалитета, на доходность инвестора и девелопера. Логично прогнозировать появление новых профессий – городской юрист, архитектор-юрист, городской инженер-эколог. Архитектор-юрист будет отстаивать в судах как раз интересы горожан, а не интересы бизнеса или администрации. Он будет компетентно разбираться в вопросах экологичности и переработки жилья; это по всему миру уже актуальная тема. Конечно, это долгосрочная перспектива, но востребованность есть уже сейчас.

ТБ Что делать городу, у которого нет бюджета столицы? Выступления горожан в Москве, как ни странно, это гигантский фактор градостроительной политики. Они очень организованные, очень массовые и очень эффективные. Даже если городские проекты лоббируются и финансируются городом, они могут быть отменены, как это случилось с Ленинским проспектом. Естественно, возникает желание улучшить компетенцию людей, но не в области копания и высаживания деревьев, а в области отстаивания своих прав. Главная проблема в этом – компромисс девелопера с властью. У девелопера такие гигантские ресурсы, что он всегда найдет тот или иной компромисс с властью и всегда найдет способ сделать поменьше за свои деньги. И именно юристы городские и городские сообщества должны не давать девелоперам и застройщикам идти на компромисс с властью. Они должны делать все, что полагается делать в этой ситуации, а может, и больше. Но компромисс достигается не за счет жизни людей. Но все-таки есть границы компромисса: все равно город остается высокоплотной средой, в которой люди ценят плотность функций. Вы цените близость учебы, отдыха, работы, удовольствия, музеев. Природа важна, но не самое главное, к сожалению. Но все равно искать компромиссы необходимо, чтобы было жить комфортно.

ЕГ Особенность сибирского города, где земли много, природа роскошная, должно стать именно это преимущество, здесь среда должна быть лучше, чем в гигантах-мегаполисах.

ТБ Конечно. Нормативы у вас должны быть свои, не московские. Не как у нас кошмарно. Должно быть хорошо, чтобы хватало на все.

ИД Вы сами отчасти ответили на мое выступление о бетонных набережных. Я не против периметральной застройки, я против возникающего масштаба. А вместо зеленых бульваров, где хочется прогуляться вдоль реки, по набережной, идет процесс расширения транспортных магистралей. По поводу того, что горожане выбирают в первую очередь близость детсадов и школ, нам приходится мониторить ситуацию, могу утверждать, что иркутяне больше страдают от отсутствия зеленых территорий.

ТБ Когда вы покупаете себя квартиру, вы покупаете самую дешевую квартиру на рынке. А она дешевая при высокоплотной агрессивной среде, в тяжелом районе. Этот закон вы не можете отменить.

ИД Я имею в виду не частные парки, а зеленые массивы общего пользования, приближенные к жилой застройке, и стараюсь выбирать более комфортный вариант. Людям надо предоставлять вариант выбора – дешево или комфортно.

ТБ Покупают то, что дешево, а дешево потому, что нет зелени. А когда живут, говорят: «А где моя озелененная территория?». Это не лишено противоречия.

КЛ Направление дискуссии очень актуальное. Сейчас на рынке недвижимости весьма своеобразная ситуация: стихийно-рыночные механизмы, которые действовали на протяжении 30 лет, действовать перестали практически во всех городах России и во многих городах за рубежом. В результате рынки недвижимости провисли, и так будет еще некоторое время. А потом из-под этого вылезет система гораздо более упорядоченная и регулируемая. Администрации городов должны уже сейчас начать разрабатывать рекомендуемые методики расчета для определения разумной стоимости жилья. Тогда появится возможность внести стоимость зеленых насаждений в цену жилья (это в первую очередь).

АК В городах существует опасность тотального загрязнения зеленых зон из-за интенсивного автомобильного потока и выхлопных газов. И недооценивать ее невозможно. В Красноярске это уже происходит.

ВС В настоящее время застройщики и девелоперы в Иркутске меньше всего заинтересованы в реализации градостроительных задач. Главное для них – это количество квадратных метров. Мое глубочайшее убеждение, что жесточайшая градостроительная дисциплина нужна уже сейчас. Без государственного планирования, к сожалению, на сегодняшний период невозможно. Говоря о градостроительной дисциплине, хочется просто вспомнить историю развития города и понять, что происходит сейчас. Почему мы стали считать, что генеральный план города должен постоянно корректироваться? Предыдущие генеральные планы в плане природного пространственного каркаса, транспортных решений были великолепны. Что произошло? Мне кажется, это надо осмысливать. Да, денег в бюджете нет. Но главное: если невозможно обустроить парк, надо его законсервировать, а не уничтожить и закрывать. А сейчас, если нет денег – вместо сквера нужно ставить дом. В вопросе о реках я полностью с Тимуром согласен: нет рек природных в городе и быть не может. И весь этот миф об охранных двухсотметровых зонах нас только запутывает. Таблички «Охранная зона реки» поставлены на смех, ведь там уже все освоено! А фразы, что ничего невозможно проконтролировать и якобы нужны так называемые «санитарные рубки» в пригородной зоне – просто отговорка. Нужно желание администрации заниматься природной средой. Все мы знаем рекреационную зону ниже плотины ГЭС. Что мешает администратору сказать: «Здесь не будет складов, мелких цементных заводов, будет просто законсервированная территория». Сейчас уже нет зоны отдыха «теплые озера», это мертвая зона. Юридически земля переходит в частную собственность, и там уже ничего не будет для отдыха людей. Вот где видна роль личности в сохранении природы.

ЕГ Наша коллега из Красноярска Ольга Смирнова считает, что деревья, растения – цивилизация, существующая параллельно с нашей. И относиться к ним надо именно таким образом. Мы сегодня в разговоре так и не дошли до фауны. Не успели поговорить о том, как мы сосуществуем с теми, кто водится в городе? Но один простой вопрос главному архитектору города задам: планируется ли в Иркутске создание зоопарка?

СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВ Зоопарк в генеральном плане города ранее не планировался. Он появился в последней редакции. Для того чтобы зоопарк функционировал, был инвестиционно окупаемым, площадь его по норма-

тивной базе должна быть не менее 40 гектаров, помимо всех прочих моментов, которые должны присутствовать. Кроме того, зоопарк должен поддерживаться частными спонсорами. Площадка предусмотрена вдоль федеральной автодороги в Ново-Ленино, хотя это неокончательно. Предлагаемые участки отданы в собственность, но предусмотрены под зону Р-3. В любом случае будут действовать водоохранные и другие ограничения. Конечно, это не в интересах собственников этих земельных участков, но предусмотрено именно так, а не иначе. На острове Конном возможно размещение небольшого контактного зоопарка, этот формат будет востребован детьми.

Я работаю в администрации 2,5 года и знаю, что город не станет дружелюбным для горожан без разработки механизма, благодаря которому он будет привлекательным для инвестиций. Проходит согласование архитектурно-строительных проектов, выдача разрешения на строительство за согласованием, в том числе за согласованием моего отдела. Тема сдвигается с мертвой точки, но те так охотно, как хотелось бы. Есть требование статьи 48 части 1 Градостроительного кодекса о том, что проектирование и хозяйственная деятельность ведется собственником только в границах его земельного участка. Но сейчас департамент по реализации градостроительной деятельности, функцией которого является в том числе заключение соглашений о частном муниципальном партнерстве проводит практику согласования двух проектов. Один – в границах земельного участка с выдачей разрешения на строительство, а второй разрабатывают с учетом прилегающей территории, куда включаются тротуары до проезжей части и еще что-то, что было бы логичным завершением благоустройства конкретного объекта капитального строительства. Такие соглашения заключались за подписью зам. мэра комитета по горполитике с конкретным собственником. Пока их немного. В согласовании участвуют отдел озеленения, отдел капитального строительства в департаменте дорожной деятельности, потому, что часто речь идет об асфальтовом покрытии, о соблюдении качества выкладки тротуарной плитки. Процесс пошел, но пока нам трудно.

ЕГ Мы начали обсуждение с вопроса, как поставить барьер, заслон перекраске зеленого в красный в генеральном плане города, когда необоснованно, в угоду коммерции перспективные зеленые зоны уходят под застройку?

СА В данном случае от личности многое зависит. В администрации города, в Думе Иркутска произошел перелом, когда сменился состав городской администрации и когда начали приводить в соответствие решения Думы, принятые в противоречие с генеральным планом. О Птичьей гавани говорил Руслан Хотулев. По Цесовской набережной была зона спорта; ее отстоять не удалось, но зона многоэтажной жилой застройки была отдана под малоэтажную жилую застройку. Вы не представляете, какое давление оказывают собственники по этому поводу! И нам еще после утверждения генплана предстоят судебные разбирательства. Я считаю положительным моментом, что теперь на постоянной основе, когда утверждаются документы Думы, присутствует представитель прокуратуры. Это держит в тонусе. Поэтому вопрос соответствия генплану задается постоянно и решается на юридической основе. Допустим, в общественно-деловой зоне предусматривается строительство жилых зданий. Градостроительный кодекс в категорическом виде это делать не запрещает. Тут вопрос стратегический: будет ли жилая зона уместна впоследствии. Но решения принимает комиссия по правилам землепользования.

ЕГ В заключение – пожелание участникам: в редакционной работе по материалам прошу кратко сформулировать ответ на вопросы: каким вы видите будущее нашего города в контексте прошедшего обсуждения? С помощью каких средств это будущее может быть осуществлено?